

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. I

С.-хорв. *mrёna*

С.-хорв. *mrёna* 'бельмо, катаракта' не имеет надежной этимологии. Попытка Ф. Миклошича охарактеризовать его как заимствование из латинского (*membrana*)¹ была отвергнута еще составителями Загребского словаря². Действительно, трудно себе представить возможность и реальность столь коренной перестройки структуры слова, каковая предполагалась бы при данном толковании — *membrana* > *mrёna!* Но, к сожалению, иного, более приемлемого, этимологического решения, по-видимому, не предлагалось. Неточно до сих пор определялась и область распространения рассматриваемой лексемы: считалось, что она обнаруживается, кроме сербохорватского языка, только в словенском (*mrёna*, *mréna*)³. Однако этот ареал следует расширить за счет привлечения еще одной славянской параллели — болг. диал. (родопск.) *mr'ànka*, ж. 'катаракта'⁴. И тогда нужно говорить о наличии данной лексемы уже в трех южнославянских языках — сербохорватском, словенском и болгарском (диал.).

Изучению этимологической природы «темного» слова в значительной степени может содействовать подробный анализ его семантики в целях выяснения наиболее древнего, первичного, значения. Болгарский материал предоставляет нам лишь два значения (оба — из родопского говора): 'катаракта' (см. выше) и 'жировые блестки, плавающие на поверхности супа' (*mrёnki*)⁵. Что же касается сербохорватского и словенского слов, то они зафиксированы с более разветвленной семантикой, что также может свидетельствовать в пользу исконного, а не заимствованного характера исследуемой лексемы (ср. слова с аналогичным значением *glaucota*, *katarakta*, которые, будучи заимствованными многими языками, употребляются в них в узком терминологическом значении 'бельмо, катаракта', не давая семантических и словообразовательных производных).

Так, в сербохорватском *mrёna* значит не только 'катаракта, бельмо', но и (по отдельным областям Хорватии и Славонии) — 'тонкая кожица (пленка) под яичной скорлупой', а *mrёница*

¹ M i k l o s i c h, стр. 204.

² RJA VII, стр. 54—55.

³ Там же.

⁴ Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД V. София, 1970, стр. 188.

⁵ Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД II. София, 1965, стр. 211.

(первоначально — деминутив от *mrëna*) — не только ‘катаракта’, но и ‘кошица (пленка) вокруг ядра ореха’, а также — ‘*pia mater*’ (‘мозговая оболочка’) и ‘*retina*’ (‘глазная сетчатка’)⁶. В словенском *mrëna* (*mrëna*) употребляется с таким набором значений: ‘катаракта, бельмо’, ‘плева, пленка’, ‘оболочка’, ‘оболочка, в которую заключен плод в материнской утробе (послед)’, ‘диафрагма’, ‘пенка’⁷.

Таким образом, сербохорватские и словенские примеры демонстрируют нам в качестве основного значение ‘тонкая кошица, пленка, плева’, которое, будучи безусловно первичным, и явилось базой для возникновения более позднего — ‘бельмо, катаракта’. Это основное значение (‘кошица, пленка’) прослеживается и в производных образованиях: с.-хорв. *mrënititi se* ‘покрываться легкими облаками (словно тонкой кошицей, пленкой) (о небе)’⁸, словен. *mréniti se* — то же, *mrénast* ‘имеющий сходство с пленкой’, *mrenat* ‘кошистый, пленчатый, плевистый’⁹.

Аналогичную семантическую эволюцию (иногда с одним отсутствующим звеном) (‘коша шкура’ →) ‘кошица (шкурка, шелуха); пленка; оболочка’ → (‘пленка, оболочка на глазном яблоке’) ‘бельмо, катаракта’ можно наблюдать в целой серии случаев.

Так, в.-луж. *tmadro* ‘катаракта, бельмо’, ум. *tmadresko* ‘пленка на глазном яблоке’¹⁰ связывается Шустер-Шевцем с праслав. **męzdra/o*¹¹ (**męsdręga*), представленным в славянских языках с таким кругом значений: русск. *мяздра*, *мездра* ‘внутренняя сторона шкуры’, укр. *мázдра* ‘кора, внутренняя сторона кожи’, русск.-ц.-слав. *мяздрица* ‘оболочка яйца’, болг. *мездра*, ‘почечный жир, сало’, с.-хорв. *mézdra* ‘кошица, пленка (оболочка)’, словен. *mézdra*, *mézdra* ‘внутренний слой кожи’, ‘молодая кошица на свежей ране’, ‘заболонь под корой дерева’, *mézdro* ‘лыко’, чеш. *mázdra* ‘кошица, пленка’, польск. *mięzdra* ‘мездра’, диал. *mięzdra*, также *miazdra* и т. д.¹²

В южнорусских памятниках XVI—XVII вв. употреблялись слова *скороглазина* ‘бельмо’ и *скороглаз* ‘с бельмом’¹³, первая часть которых (*скор-*) со значением ‘пленка, кошица (на глазу)’ соотносится с общеславянской лексемой *skora* ‘шкура’¹⁴. Данная лексема имеет следующие континуанты в славянских языках, фиксируемые М. Фасмером: русск. *скорá* ‘шкура’, *скóрка* ‘корка

⁶ RJA VII, стр. 54—55.

⁷ Pleteršpič I, стр. 610; Хостник, стр. 119.

⁸ RJA VII, стр. 55.

⁹ Pleteršpič, там же.

¹⁰ Puhl, стр. 363.

¹¹ Х. Шустер - Шевц. Сербо-лужицкие этимологии. «Этимология». 1970. М., 1972, стр. 88.

¹² Фасмер III, стр. 29.

¹³ С. И. Котков. Очерки по Лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 104.

¹⁴ См. об этом слове В. А. Меркулова. Народные названия болезней II (на материале русского языка). «Этимология». 1970. М., 1972, стр. 174.

(хлеба)’, севск., укр. *скіра*, *скірка* ‘кожа’, *скбра*, блр. *скўра* ‘шкура; кожа’, др.-русск. *скора*, ц.-слав. *скора*, словен. *skóra*, *skórja* ‘кора’, чеш. *skora* ‘шкура; кожа’, польск. *skóra*, в.-луж. *skora*, н.-луж. *skóra*, *škóra*¹⁵. Можно привести еще целый ряд слов и значений в дополнение к перечисленным выше. Это укр. *скоріна*, *шкоріна* ‘корка хлеба’, *шкора* ‘кусок сосновой коры (служащий поплавком)’, *шкіра-шкура*¹⁶, *шкірка* ‘пенка на молоке (киселе)’ (тернопольск.)¹⁷, польск. *skora* ‘шкура, кожа’, ‘кора; кусок коры’, ‘корка (хлеба)’, ‘пенка на молоке’, *skórka* ‘тонкая кожица, пленка, оболочка’, ‘заболонь, мезга (мягкая часть коры дерева)’, ‘корка (хлеба)’, ‘пенка на молоке’, а также — ‘*pterygium*, «шкурка», пленка в глазу, препятствующая зрению’¹⁸ и др. См. еще сложные производные от того же корня, отмеченные, в частности, в древнерусском — *скорлупа*, *скоролупла* ‘кожица, кожура (у плодов)’, *скоролъща* ‘скорлупа’, *скоролюбие* ‘скорлупы’¹⁹, сербохорватском — *скруп* ‘сливки’, *скрұпак* ‘молодая кожица на заживающей ране’²⁰ и т. д. Итак, опять налицо цепь значений ‘кожа; шкура (кора)’ → ‘кожица, пленка, оболочка; корка, шкурка (пенка)’ → ‘бельмо’.

Линде фиксирует сущ. *łuska* (*łuski*, мн.) в значении ‘бельмо’: «... *łuskę lub bielmo z oczu zgania*»²¹. Общеславянское *luska*, родственное *luzga*, представлено в славянских языках со значениями ‘шелуха’, ‘кожица, плева’, ‘чешуйка’, ‘кожура (стручок)’, см., например: русск. *лук*, *луска* ‘лузг, лузга, шелуха, кожура, твердоватая кожица на плодах, семенах; плевели, полова, мякина’, *лузгá* (новгор., ворон., тамбов.) ‘чешуйка, чешуя, рыбий клеск’, ‘шелуха, ракуша, гречишная полова (идет иногда на топливо)’, ‘попонка на мясе, плева’ (псков., твер.)²²; с.-хорв. *љуска* ‘кожура’, ‘тонкая кожица вокруг ядра ореха’, ‘шелуха’, ‘оболочка зерна’, ‘чешуйка’, ‘яичная скорлупа’, ‘стручок’, ‘осколок; щепка’²³, польск. *łuska* ‘чешуя’, ‘ореховая шелуха’, ‘оболочка’, ‘перхоть’²⁴ и т. д. Следовательно, опять прослеживается указанная выше семантическая цепочка, в которой отсутствует лишь (факультативное) звено — ‘кожа (шкура)’.

Линде приводит польск. *tupież*, одно из значений которого ‘шкурка, пленка в глазу, препятствующая зрению’ («*pterygium nieiaki tupież* abo *skorka w oczu, wzrokowi przeszkadzająca*»)²⁵

¹⁵ Ф а с м е р III, стр. 650.

¹⁶ Г р и н ч е н к о IV, стр. 140, 502, 501.

¹⁷ К. Д е й п а. *Gwary ukraińskie. Tarnopolszczyzny*. Wrocław, 1957, стр. 123.

¹⁸ L i n d e V, стр. 260—265; I, 2, стр. 1311 (см. под. сл. *tupież*).

¹⁹ С р е з н е в с к и й, стб. 381, 382.

²⁰ RJA XV, стр. 291—292.

²¹ L i n d e I, 2, стр. 1312; V, стр. 247 (под. сл. *skałka*).

²² Д а л ь з II, стб. 710, 703.

²³ RJA VI, стр. 321.

²⁴ L i n d e I, 2, стр. 1312; Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розадовской. М., 1955, стр. 246.

²⁵ L i n d e V, стр. 1311.

близко значению 'бельмо'—'инородная пленка на глазу'. Ср. еще чеш. *lupina na oku* 'глазная оболочка' ('Fell auf dem Auge')²⁶: «spadly s očí jeho jako *lupiny*»²⁷. Эти слова относятся к общеславянскому корню *lup-*, представленному с такой семантикой: польск. (там же) *łupież* 'содранная кора или кожа, шкура', 'луб', 'membrana', 'перхоть', 'корка, струпья' и др., а также указанное выше — 'пленка на глазу', *łupina* 'стручок', 'зеленая оболочка у ореха', 'скорлупка', русск. *лұна* 'плоть, струп, шевырюжка, что в бане сходит с тела'...²⁸, макед. *лупешка* 'шелуха, скорлупа, корка, кожура'²⁹ и др. И снова выявляется отмеченная выше цепь значений.

Ср. еще польск. *skatki* (*na oku*) 'бельмо' («łuski lub *skatki* na oku, albugo, leucoma, nebula») и укр. *скáлка* то же³⁰, которые восходят к общеславянскому *skala* (сюда же, в частности, русск. *скáла* не только 'каменная глыба', но и (диал.) 'береста', с.-хорв. *скáла* 'скала; ломтик, кусочек, щепка' и др.), родственному др.-в.-нем. *skala* 'скорлупа, шелуха', лит. *skeliū*, *skélti* 'раскалывать', *skilti*, *skilù* 'трескаться', *skalà* 'щепа, лучина', греч. σκάλλω 'копаю, рублю', арм. *celum* 'раскалываю', хетт. *iškallā(i)* 'ломать, разрушать', алб. *halë* 'чешуйка, рыбья кость, осколок'...³¹. Семантическая цепочка, прослеживающаяся в данном случае, близка, но не идентична уже указанной нами (отсутствует линия 'кожа' (→) 'кожица, пленка, оболочка'). Она развивается на базе значения 'ломать, колоть, рубить, разрушать'. Интересно отметить, что в Полесье и на Украине лексема *скáлка* зафиксирована в том же значении, что и болг. диал. (родопск.) *мрèнки* — 'жировые блестки, плавающие на поверхности супа (воды)'³².

Очевидно, что бельмо воспринималось как лишняя (чужеродная) пленка (кожица, шкурка), закрывающая глаз и нарушающая нормальное зрение. Поэтому для его наименования и стали использоваться слова со значением 'кожица, пленка, оболочка' или 'шелуха, чешуйка, осколочек' (первоначально в переносном употреблении, в сравнительных конструкциях: словно пленка, как будто кожица). Отсюда значение 'бельмо' (как пленка, появляющаяся в результате заболевания глаза) часто существует со значением (видимо, предшествующим ему по времени появления) 'глазная пленка, оболочка' (как составная часть каждого здорового глаза). Кроме приведенных выше верхнелужицких примеров

²⁶ Jungmann II, стр. 364.

²⁷ Kott I, стр. 954.

²⁸ Даль³ II, стб. 709.

²⁹ Македонско-русский словарь. Сост. Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч, под ред. Н. И. Толстого. М., 1963, стр. 246.

³⁰ Linde V, стр. 247; Гринченко IV, стр. 130.

³¹ Фасмер III, стр. 631.

³² Г. Ф. Вешторт. Названия пищи в говорах Полесья. Лексика Полесья. М., 1968, стр. 403; Гринченко IV, стр. 130.

mjadreško ‘пленка на глазном яблоке’ — *mjadro* ‘катаракта’, см. еще с.-хорв. *mézdra* (горна и долна) ‘ка око закрива’³³, чеш. *mázdrice* (*neb lupina*) *oka* ‘роговая оболочка глаза, роговица’³⁴. Подобное же семантическое сочетание ‘глазная оболочка’ — ‘бельмо (катаракта)’ встречается и в других славянских примерах: с.-хорв. *mréžnica* ‘сетчатая оболочка, сетчатка’ и *mréža* ‘бельмо, катаракта’ (только 1 пример)³⁵, макед. *mréža* ‘перепонка’, *mréžnica* ‘(сетчатка (глаза))’ и *mréža* ‘катаракта’³⁶;ср. еще польск. *błony*, *błonki oczne* ‘глазные оболочки (роговица, сетчатка и др.)’ и *błonka* ‘глазная болезнь, бельмо’³⁷.

Приведенные выше *mjadro*, *скороглазина*, *łuska*, *łupež* (и родственные им) демонстрируют общность значений с южнославянским *mrena*. Это не только ‘бельмо, катаракта’, но и ‘кожица, пленка (плева, перепонка), оболочка (в частности — глазная); шелуха; пенка’ и т. д. Поэтому есть основания предполагать, что лексема *mrena* могла быть образована по той же самой модели, что и другие слова со вторичным значением ‘бельмо’ при исходном — ‘кожа (содранная), шкура’ или ‘кожица, пленка; шелуха, скорлупка, кожура’.

Что касается славянского *męzdra* (< **męsdyra*), то М. Фасмер останавливается на этимологическом решении, предложенном А. Мейе и А. Вайаном, согласно которому это слово является сложным образованием от **męso* и **dyrati*, **derq*³⁸.

Слав. (*s)kora*, на базе которого возникло *скороглазина*, имеет такие и.-е. соответствия, как др.-в.-нем. *sceran* ‘стричь’, алб. *harr* ‘пропалываю’, *shker*, *shtjer* ‘раздираю’, лит. *skirti*, *skiriù* ‘разделять’, *šķiſt* — то же; *skarà* ‘лоскут’, лтш. *skara* ‘обрывок; курчавая шерсть’, англосакс. *scearu* (**skarō*) ‘часть, доля’³⁹.

Славянские лексемы *luska* (*luzga*) и *lupež*, *lupina* (к *lupa*) самым тесным образом связаны с глаголами *łuskati*, *łuſčiti* (*luzgati*) и *lupati*, *lupiti* в значении ‘бить (первоначально — с определенным звуком, треском)’, ‘драть, обдирать (кожицу, шелуху, оболочку)’.

Итак, можно отметить, что слова с исходным значением ‘кожа, шкура’ или ‘кожица, шелуха, пленка, кожура...’ были образованы на базе семантического признака ‘бить, рубить, колоть, ломать, полоть, стричь’, точнее — ‘тем или иным способом отделять какую-то часть от целого, расчленять’. Следовательно, семантическое развитие шло таким путем: ‘бить, ломать, дробить...’ → ‘то, что отбивается, обдирается, выпалывается: (‘кожа; шкура; кора’) → ‘кожица, шкурка, корка, шелуха, кожура, пленка,

³³ RJA VI, стр. 637.

³⁴ Jungmann II, стр. 363.

³⁵ RJA VII, стр. 57, 55.

³⁶ Конески, стр. 425.

³⁷ Lind I, стр. 125.

³⁸ Фасмер III, стр. 29.

³⁹ Там же, стр. 650.

оболочка'. Далее, в ряде случаев могли развиться значения 'глазная оболочка' и 'бельмо' (см. выше), хотя серия примеров демонстрирует указанную цепочку без ее последнего или двух последних звеньев.

Это слав. *tēti*, *tēnq* 'рубить, резать' (< и.-е. **tem-* 'резать', куда восходит и ср.-ирл. *tond*, *tonn*, кимр. *ton* 'кожа')⁴⁰, с которым Ж. Ж. Варбот связывает russk. простор. *отбóни* 'плева, перепонки', кур. *отбóнок* 'перепонка, тонкая оболочка, кожура, скорлупка либо плева', ряз. *потбóнок*, *потбóнка* 'пленка', слвц. *otonec* 'отрубленный кусок'⁴¹.

Аналогично — слав. *pelti* 'полоть' (далее — к лит. *spāliai* 'очески льна', лтш. *spil̄va* 'шелуха', лат. *spolium* 'содранная шкура зверя; добыча', др.-инд. *phálati* 'лопается, трескается', *spháṭati* 'разрывает', *spháṭáyati* 'раскалывает', др.-в.-нем. *spaltan*, н.-в.-нем. *spalten* 'раскалывать'), связанное отношениями родства, в частности, со славянским *plēva*: russk. *плéвá* 'кошица, тонкая оболочка, перепонка' (см. еще пример, приводимый В. Далем: «у него глаз *плевой покрыт*»)⁴², 'пленка под скорлупой в яйце', словен. *pléva* 'глазное веко', словин. *plieva* 'радужная оболочка глаза' и др. (далее ср. лит. *plēvē* 'пленка, кошица', лтш. *plēve* — то же). Сюда же **pelv-* (русск. *полбва* 'мякина', болг. *плáва* 'солома' и др.), а также **pelvelъ* (др.-русск. *половелъ* 'сорняк')⁴³.

Ср. еще слав. *d̄rati*, *d̄erq* 'драть, обдирать; грабить', родственное лит. *d̄irti* 'сдирать', лтш. *d̄irât*, *d̄irât* 'сдирать, обдирать', *niðdaras* мн. 'отходы лыка', др.-инд. *d̄rnáti* 'лопается, трескается, раскалывается', авест. *dar-* 'колоть', греч. δέρω 'сдирать', δορά 'кожа; шкура', кимр. *darn* 'кусок, часть', гот. *distairan* 'разрывать', др.-в.-нем. *zérān* 'разрушать', алб. *djerr* 'уничтожаю, теряю'. Сюда же — russk. *деръ* 'тряпка, лоскут' и *дор* 'новь' (диал.), 'животный жир', 'дранка' и т. д.⁴⁴

Модель, по которой образованы рассмотренные нами слова со значением 'бельмо (катараクта)' ('быть, ломать' → 'отбитое; содранное': 'шкура, кожа' (→) 'шкурка, кошица, пленка, оболочка (в частности — глазная)' → 'бельмо'), наталкивает на мысль, что в славянском должен существовать глагол с аналогичным значением 'быть, драть', родственный исследуемой нами лексеме *mrena*. И такой глагол обнаруживается — это с.-хорв. диал. (Лика) *méрати*, *mérâm* 'быть, колотить (вальком белье при стирке)'⁴⁵, приведенный составителями RJA без этимологического комментария. Он сопоставлялся Сольмсеном с др.-инд. *m̄náti*

⁴⁰ Р о к о г л у I, стр. 1063.

⁴¹ Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых славянских глагольных основ и отглагольных имен. I. «Этимология. 1971». М., 1973.

⁴² Д а л ь з III, стб. 309.

⁴³ Ф а с м е р III, стр. 317; 277; 312.

⁴⁴ Ф а с м е р I, стр. 504—505; 529, В о i s a c q ³, стр. 178.

⁴⁵ RJA VI, стр. 6.

‘дробит, крошит, размалывает, толчет, стирает, разрушает’⁴⁶. Однако этот др.-инд. глагол связывался Ю. Покорным с и.-е. I. **mel-* ‘молоть, дробить, толочь’ — и при таком толковании с.-хорв. *mératī* сюда относить было бы нельзя. Но существует еще один др.-инд. глагол — *mrnāti*² в значении ‘грабит’, который отделяется Ю. Покорным от приведенного выше и возводится к и.-е. **mer-*; **merə-* ‘растирает, уничтожает; грабит’⁴⁷. М. Майргофер, напротив, считает, что размежевание этих двух глаголов и соотнесение их с разными и.-е. корнями часто трудно объяснить («nicht immer klar von *mrnāti*² zu trennen» — о *mrnāti*¹)⁴⁸ — и это замечание кажется вполне справедливым. Действительно, с одной стороны, в и.-е. гнездо **mer-* включены слова не только в значении ‘растриивать, уничтожать, грабить’, но и ‘бить, дробить, разрушать,’ напр., др. -исл. *merja* ‘schlagen, zerstoßen’, хетт. *marriattari* ‘wird zerschmettert’, т. е. семантически очень близкие именно к др.-инд. *mrnāti*¹. С другой стороны, сами значения ‘бить, драть, дробить, разбивать’ и ‘тереть, тискать, давить’ близки друг другу и порой отмечаются у одного и того же глагола: слвиц. *mrvit* ‘крошить, дробить’ и ‘мять, трепать, тереть; мучить’⁴⁹; с.-хорв. *gūliti* ‘драть, обдирать, лущить’ и ‘тереть, мять, жать’⁵⁰, см. также нем. *zermalmen* ‘раздроблять, размалывать, толочь; стирать, уничтожать’⁵¹, ср. еще праслав. **tъrxati* ‘драть, рвать, трепать’, которое связывается Ж. Ж. Варбот с **ter-* ‘тереть’⁵². И еще: значение ‘грабить’ регулярно развивается именно на основе значения ‘бить, драть’: см. славянские примеры *dyrati*, *lupiti*, которые означают не только ‘бить, драть; обдирать, чистить’, но и ‘грабить’ (русск., чеш., польск. и др. соответствие). Об этом же пишет и М. Фасмер: «Значение ‘бить’ неотделимо от ‘лупить, чистить; грабить’»⁵³. На основании данных фактов, видимо, можно поставить вопрос об отнесении *mrnāti*¹ и *mrnāti*² к одному и.-е. гнезду **mer-*, в которое следует включать и с.-хорв. *mératī* < **merati* (< **mērati?*). В составе этого же гнезда Ю. Покорный рассматривает и другие славянские примеры: с.-хорв. *mrva* ‘(хлебная) крошка’, ст.-слав. *izmrymъrati* ‘корчевать, выкапывать’ и др.-русск. *-moromrati* ‘(из)грызть, источить, искрошить’ (см. у А. Мейе характеристику вокализма данных слов⁵⁴).

⁴⁶ F. Solmsen. Über einige slavische Wörter mit dem Wurzelement *mar-*. — Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, 1908, стр. 580.

⁴⁷ Покорный I, стр. 735—736.

⁴⁸ Маугофер 17, стр. 672—673.

⁴⁹ SSJ II, стр. 194.

⁵⁰ PCA III, стр. 748—749.

⁵¹ Немецко-русский словарь под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1958, стр. 1238.

⁵² Ж. Ж. Варбот. Указ. соч.

⁵³ Фасмер II, стр. 535.

⁵⁴ A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux-slave. — MSL, t. 14, f. 4, 1907, стр. 380.

Ю.-слав. лексема, обозначаемая нами как *mrēna*, очевидно, родственна рассмотренным выше **merati*, **тьгва*, *(*moro-/тьr-*)-*тьrati* (далее — к тому же и.-е. корню **mer-*) и должна быть реконструирована как **merna* с первоначальным значением 'кожица, шелуха, пленка', т. е. 'то, что отдирается, о(т)бивается, отчленяется (и часто идет в отходы)'. Ср. близкие значения у праслав. **тьгva*: 'крошка' (с.-хорв., макед.), 'мятая, тертая, раздробленная солома; сено' (укр., словен.), 'пепел' (болг.) и т. п.⁵⁵, а также и у некоторых других и.-е. слов, включаемых в гнездо **mer-*: н.-исл. *mor* 'толстый слой пыли, прах' ('Staub'), швед. *morp* 'отбросы, отходы'⁵⁶. Что касается праформы **merna*, то такой реконструкции не противоречит ни одна из южнославянских форм: болг. родопские 'á(мр'аңка) и è (мрèнки) являются в данном говоре закономерными рефлексами именно старого è (**mrēna* < <**merna*)⁵⁷, словен. é (*mréna* — *Pleteršnik*), ê (*mrêna* — Хостник) также свидетельствуют о старом è, развившемся в результате метатезы (ср. аналогичные случаи, где ять обозначено на письме таким же образом — через é и ê: *mréza* < **merža*, *mrést* < **nerstv*⁵⁸); с.-хорв. ё тоже может быть континуантом è: ср. приведенное выше **merža* (словен. *mréža*), которое дало в с.-хорв. языке — мрёжа⁵⁹. Любопытно, что **merna* имеет формант *n*, как и ряд других и.-е. слов, относящихся к данному гнезду **mer-*: др.-инд. *mrñati*, др.-исл. *morna*, норв. *moren*, *maren*⁶⁰.

Необходимо отметить, что перечень славянских лексем, включаемых в указанное и.-е. гнездо, может быть продолжен. См., например, (так же, как и **merna* с-*n*) болг. диал. наречие (так же, как и *мр'аңка*, *мрèнки*, — родопское!) *мърнинка* 'немножко'⁶¹ (ср. болг. *мърфка* — не только 'кусок мяса', но и наречие в значении 'совсем мало'⁶² — из **тьгva*), возможно, чеш. *mrňavý*, *mrňous*, *mrně* (разг.) 'малыш, карапуз'⁶³, которые неубедительно объяснялись В. Махеком как результат скрещивания *krňavý* и *malý*⁶⁴. Сюда же, думается, надо относить и с.-хорв. *mrњав* 'слабый, увядший' («stabло... mrњаво противно крутome, над се собом управити не може...»), а также *mrњак* 'хрящевая часть носа'⁶⁵ (очевидно, более мягкая и хрупкая, чем костная часть). Все эти

⁵⁵ RJA VII, стр. 92—93; Конески I, стр. 424; Гринченко II, стр. 417; Pleteršnik I, стр. 615.

⁵⁶ Рокогну I, стр. 735—736.

⁵⁷ Т. Стойчев. — БД V. София, 1970, стр. 155 и 156 (*б'ала* и *бèлка* < **bēl-*).

⁵⁸ Pleteršnik I, стр. 610. О характере старого ё и его отражении в словенском см. Хостник, стр. 11; 48, 49.

⁵⁹ RJA VII, стр. 55.

⁶⁰ Рокогну I, стр. 735—736.

⁶¹ Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II. София, 1965, стр. 211.

⁶² Г. Гороф. Странджанский говор. — БД I. София, 1962, стр. 112, 113.

⁶³ Чешско-русский словарь. Сост. А. И. Павлович. М., 1960, стр. 298.

⁶⁴ Мачек¹, стр. 310.

⁶⁵ RJA VII, стр. 78, 77.

примеры имеют ту же ступень вокализма корня, что и у семантически близкого **тьг-ва* ('крошка, небольшой кусочек' и т. д.) и формант *n*, который представлен в **ter-na*, следовательно, они восходят к праформе **тьг-n-*, к которой возводится и др.-инд. *trgn-āti*. Показательно, что значение 'мягкий, хрупкий' отражено в многочисленных примерах, включаемых в рассматриваемое и.-е. гнездо **ter-*: норв. *moren*, *maren* 'гнилой, ветхий, хрупкий', др.-в.-нем. *mara.wi*, *mur(u)wi*, *mürbe* 'мягкий, хрупкий, трухлявый', англосакс. *tearo* 'мягкий, нежный, хрупкий', кимр. *terw* 'мягкий, вялый, дряблый, слабый'⁶⁶. Представленная здесь семантическая эволюция 'бить, дробить' (см. с.-хорв. *méрати*) → 'разбитый, раздробленный' → 'дряблый, вялый, мягкий, слабый' (или 'мелкий, дробный') — явление характерное: см. с.-хорв. *mljatav* 'слабый, вялый, медленный', сопоставляемое с **melti* 'молоть'⁶⁷, слав. **тегъкъ* 'мягкий', сравниваемое с лит. *tm̩kyti*, *tm̩kaū* 'мять, месить', др.-инд. *tácate* 'дробит'⁶⁸ и т. п. К корню **ter-* следует относить и более позднее с.-хорв. образование *мерұхати* 'тискать, мять, мучить' («Не *мерұхай* ту мачку по рукама!»), производимое составителями Загребского словаря с пометой «темноё»⁶⁹, т. к. семантическое сочетание 'бить, дробить, толочь' и 'мять, тискать, мучить' известно, см., например, с.-хорв. *мљавити* 'бить, ударять', связываемое П. Скоком с гот. *gamalwanjan* 'дробить, размалывать, растирать', лит. *malvinti* 'мучить, надоедать' — далее к и.-е. корню **mol-* (praslav. **moltiti*)⁷⁰; сюда же с.-хорв. *мљавити* 'мять, давить (дробить, жевать)' (к **melti*) с примером, где данный глагол выступает как синоним по отношению к *мерұхати*: «Не *мљави* ту мачку (т. е. не гъечи је)»⁷¹.

В данное и.-е. гнездо, возможно, следует включать и ряд производных с *-l-*, восходящих к праформе **тьгrl-*. Это болг. диал. *смърл'ам*, *смърла* 'затупить острый предмет ударом'⁷², а также приводимые В. Махеком с пометой «неясные» — слвц. *mrlač*, *mrliač* 'валух, холощеный баран' (ср. с.-хорв. *mjči* 'бить, колотить', 'толочь, дробить' и 'кастрировать'⁷³) и *mrlit'* 'чесать'⁷⁴. Не сюда ли (обычно рассматриваемые как звукоподражательные) и с.-хорв. *мрља* ' пятно' и *мрљати* 'грязнить, пачкать'⁷⁵; 'зачеркивать'⁷⁶, если исходить из пояснения к этому глаголу, данного

⁶⁶ Рокоглу I, стр. 735—736.

⁶⁷ RJA VI, стр. 932.

⁶⁸ Фасмер III, стр. 28.

⁶⁹ RJA VI, стр. 608.

⁷⁰ Skok (рукоп., выписки сделаны О. Н. Трубачевым для картотеки Этимологического словаря славянских языков).

⁷¹ RJA VI, стр. 599.

⁷² И. Кънчев. Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV. София, 1968, стр. 143.

⁷³ И. Толстой¹, стр. 962.

⁷⁴ Мачек¹, стр. 310.

⁷⁵ RJA VII, стр. 70—71; Skok (рукоп., выписки сделаны О. Н. Трубачевым для картотеки Этимологического словаря славянских языков).

⁷⁶ Карапин, стр. 384.

в Словаре Ивековича-Броз: «писано трти, тарући прљати»⁷⁷ («стирать написанное, стирая пачкать»)? См. еще болг. *мърльо* ‘грязный, нечистоплотный человек’, *мърляв* ‘испачканный, грязный’, *мърлям(се)* ‘пачкать(ся)’ и *мърля(се)* ‘оплодотворять(ся) (об овцах)’⁷⁸ и др. Ср. подобное же семантическое развитие (‘мять, тереть’ → ‘пачкать’) у с.-хорв. *мёльти* (‘мять, тискать’ и ‘грязнить, пачкать’), восходящего к **melti* ‘молоть, дробить’ (с.-хорв. *мљети*)⁷⁹. Интересно, что Ю. Покорный фиксирует в составе гнезда **ter-* примеры с формантом *-l*: это ср.-ирл. *meirle*, *meirlech*⁸⁰. Не исключено, что при обследовании, специально направленном на выявление всех славянских слов, восходящих к рассматриваемому и.-е. корню, данный список может быть пополнен.

С.-хорв. *гѣба*

С.-хорв. диал. (Брач) *гѣба*, ж. ‘подагра’⁸¹ фиксируется составителями RJA как слово с неясным происхождением, хотя и сопоставляется ими все же с польск. *gabać*, чеш. *habati*. В этимологическом словаре сербохорватского языка П. Скока это сопоставление, основанное лишь на случайной звуковой близости, уже не приводится, и словодается без какого бы то ни было этимологического комментария⁸². Действительно, нет оснований предполагать связь с.-хорв. *гѣба* с праслав. **gabati*. Прежде всего надо принимать во внимание тот факт, что рефлексы **gab-* в с.-хорв., макед. и словен., насколько нам известно, не отмечаются. Это сближение следует отвергнуть и из-за серьезных семантических расхождений: праслав. **gabati* фиксируется в слав. языках со значениями ‘хватать, брать’ и далее связывается с лит. *gobētis* ‘быть жадным, жаждать, стремиться’, *gobūs* ‘жадный, алчный’, лат. *habeo* ‘иметь’ и т. д.⁸³ Следовательно, для данного слова нужно искать какое-то другое этимологическое решение. С этой целью рассмотрим иные образования с тем же значением (‘подагра’). Это с.-хорв. *костодбoљa*, *ногдбoљa*, *ўлози*⁸⁴, русск. (отмечаемые в статье Меркуловой) *ломота*, *мозжуха*, *скомнота*, *костолом*⁸⁵. Любопытно, что данные русские названия приводятся в указанной статье в списке под общей рубрикой ‘ревматизм, подагра’. Это свидетельствует о том, что данные заболевания (ревматизм и подагра), имеющие близкие симптомы, трудно разграничимы и поэтому, как правило,

⁷⁷ I v e k o v i c - B g o z I, стр. 710.

⁷⁸ РБЕ V, стр. 115.

⁷⁹ RJA VI, стр. 599.

⁸⁰ Pokorny I, стр. 734.

⁸¹ RJA III, стр. 981; см. еще PCA III, стр. 137.

⁸² Skok I, стр. 541.

⁸³ F r a e n k e l II, стр. 126—127; S t a w s k i I, стр. 243.

⁸⁴ И. Толстой³, стр. 221; 310.

⁸⁵ В. А. Меркулова. Народные названия болезней I (на материале русского языка). «Этимология». 1967. М., 1969, стр. 160.

обозначаются одним и тем же названием, ср. и с.-хорв. *јлози*, которое также употребляется в двух значениях: 'подагра, артрит' и 'суставной ревматизм'⁸⁶.

Приведенные выше сербохорватские и русские наименования подагры связаны с характером ощущений больного. Однако существует и другая модель, по которой образуются названия подагры и ряда других болезней. В этом случае наименования отражают внешние признаки болезни — всякого рода искривления, деформации или нарости. Известно, что именно для подагры характерны отечность, припухлость суставов, их деформация, появление шишек, выростов — «болест у којој отеку зглавци у ногу и у руку»⁸⁷. Это нашло отражение в таком сербохорватском названии, как *гута*, обозначающем не только нарост на теле, шишку, но и подагру⁸⁸; ср. еще с.-хорв. диал. (Лика) *гутла* 'нарост на теле'⁸⁹, болг. диал. *гута* 'опухоль (отек) головы', *гутка* 'комок', *гутайв* 'с наростами на теле', *гутура* 'отек (опухоль) от удара; нарости (шишки на теле)', *сгутава се*, *сгутавям се*, *сгутурча се*, *сгутурчам се* 'свиваться'⁹⁰. См. также с.-хорв. *врж* 'сук' и 'подагрическая опухоль в суставах'⁹¹.

Учитывая приведенное выше замечание о том, что подагра и ревматизм часто обозначаются одним названием, представляет интерес и болг. диал. (юго-вост.) наименование ревматизма *кулава боля*⁹². Оно связано со славянским корнем **kul-*: русск. тамб. *культь* 'беспалый, хромой', укр. *укуліти*, *закуліти* 'согнуть, скрючить, парализовать', *куліти* 'хромать', блр. *кулáць* (-ца) 'низко наклоняться', словен. *kulj* 'криворогий', *kuljav* 'искалеченный', польск. *kulić* 'искривлять, стягивать' и т. п., далее — к греч. *κυλλός* 'скрюченный, согнутый, изувеченный, хромой', *κυλλαῖν* 'искривляю, парализую'⁹³. Следовательно, данное болгарское название отражает представление о ревматизме, как о болезни, которая скрючивает, искривляет, деформирует.

Принимая во внимание все эти факты, видимо, есть основание предполагать, что и рассматриваемое нами сербохорватское наименование подагры *габа* может быть связано с понятием 'кривить, кривизна, искривление (конечностей)'. В пользу этого мнения свидетельствует также семантика сербохорватского диалектного прилагательного (Средняя Далмация) *габав*, производного от *габа*. Оно приводится авторами RJA в значении — 'с искривленными конечностями или суставами' ('крив на којем уду или

⁸⁶ I v e k o v i c - B г o z II, стр. 640.

⁸⁷ Там же, I, стр. 358.

⁸⁸ RJA III, стр. 516.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ БЕР IV, стр. 296.

⁹¹ И. Толстой³, стр. 58.

⁹² R. B e g n a g d. Quelques mots du dialecte de Bälgari. — RÉS XXXVI, 1—4, 1959, стр. 67.

⁹³ Фасмер II, стр. 413.

зглобу') с таким примером и пояснением: «Остало му је у лакту рука габава (мало искочила кад није лијепо начињена)»⁹⁴. См. еще в Белградском словаре: *gäbab* 'переболевший подагрой' и 'кривой (о предмете с кривыми сторонами)'⁹⁵.

Следовательно, сущ. *gäba* должно быть связано с каким-то корнем, означающим 'гнуть, кривить; кривизна, искривление'. Таковым в данном случае, очевидно, может быть праслав. **gъb-*/**gub-*/**gyb-* < и.-е. **gheub(h)-*. Показательно, что в сербохорватском наличествует и глагол с той же, что *gäba* и *gäbab*, огласовкой корня — *gānuti*, *gānēm* (у Скока — и *gānuti*, *gānēm*) < праслав. **gъbnoqtī*, первонач. 'сгибать'⁹⁶. Сюда же — ст.-слав. *гнжти*, русск. *гнуть* и др., где *-b-* (а также *-b-*) выпало, в то время как в сербохорватском под ударением *ž > a*,ср. еще словен. *gániti* (*geniti*) 'двигать'⁹⁷ (см. и словен. *gábatī* 'бдествовать, погибать')⁹⁸, очевидно, иная степень огласовки того же корня, который представлен в семантически близких глаголах **pogybati*, **gybnoqtī*, где не только *ž > a*, но и сохранено *-b-*, как и в сербохорватском *gäba*; прояснение редуцированного наблюдается также в примере, приведенном у Срезневского: наряду с *gъbežь*, *gběžь* и *goběžь* (< **gъbežь*) 'сгиб, сустав'⁹⁹.

Показательно, что одно из значений сербохорватского глагола *gānuti* (*gānuti*) непосредственно связывает его с семантикой *gäba*, *gäbab*. Это 'verrenken' = 'вывихнуть руку или ногу'¹⁰⁰ —ср. приведенное выше:... у лакту рука *габава* (мало искочила). См. еще болг. диал. (Родоп) *гđбнат*, прич. 'вывихнутый, смещенный (о руке, ноге)' и *гđбнувам са*, *гъбнувам*, гл. '(с)двигать(ся)'¹⁰¹ < **gъbn-*.

Для слов, включаемых в и.-е. гнездо **gheub(h)-* 'сгибать, сдвигать', характерно значение 'искривлять, гнуть', 'искривление (изгиб)', 'предмет округлой формы, бугор': блр. *згіб* 'бугор'¹⁰², словен. *guba* 'складка, морщина',польск. *przegub* 'сгиб, изгиб, сустав', лтш. *gubt*, *gubstu* 'гнуться, никнуть', *gubenis*, *gúbezis* 'груда, куча', *gùba* 'согнутость, стесненность', лит. *gaibti* 'выгибать, делать выпуклым', *gùbulas* 'клубок; тюк', *gùbužas* 'куча, груда', *gùbrýs*, *gùburas* 'груда земли'¹⁰³. Покорный присоединяет сюда же англосакс. *géap* 'искривленный, согнутый'¹⁰⁴, а Фасмер кроме того и греч. κύπτω, κέκυψε 'горбиться, гнуться', κύφος 'изгиб, горб'¹⁰⁵.

⁹⁴ RJA III, стр. 981.

⁹⁵ PCA III, стр. 137.

⁹⁶ Skok I, стр. 576—577.

⁹⁷ Pleteršnik I, стр. 207; см. еще (к реконструкции) RJA III, стр. 100; Pokorgny I, стр. 450.

⁹⁸ Pleteršnik I, стр. 205.

⁹⁹ Срезневский I, стб. 528—529, 611.

¹⁰⁰ RJA III, стр. 101.

¹⁰¹ Т. Стойчев. Родопски речник.—БД II. София, 1965, стр. 145, 148.

¹⁰² Яшкин, стр. 79.

¹⁰³ Fraenkel II, стр. 140.

¹⁰⁴ Pokorgny I, стр. 450.

¹⁰⁵ Фасмер I, стр. 404.

На основании всего вышеизложенного можно предположить для с.-хор. *диал. гѣба* (< **gъba*) первоначальное значение 'искривление; шишка (выпуклость)' или (что менее вероятно) 'искривляющая, скрючивающая (болезнь)'.

Слав. *verdъ

Слово отмечено во всех славянских языках и нашло отражение в этимологических словарях. Однако, если реконструкция его пра-славянской формы ни у кого затруднений не вызывает (**verdъ*), то при выявлении признака, положенного в основу данного названия, и при установлении и.-е. гнезда, с которым должно быть соотнесено слов. **verdъ*, возникают серьезные трудности, в первую очередь, из-за многозначности славянских примеров. Сложность, разветвленность семантики во многом предопределила тот факт, что в этимологической науке нет единодушия в решении вопроса о происхождении данного слова, причем именно те гипотезы, которые выдвигались в последнее время, вызывают возражения. Дело в том, что с их помощью нельзя объяснить всей совокупности значений славянского **verdъ*, так как они базируются лишь на каком-либо одном семантическом его ответвлении, не учитывая других, в частности, представленных диалектными и архаическими примерами. Чтобы не быть голословными, приведем по возможности полный перечень значений, которые зафиксированы в славянских языках для **verdъ*, а затем рассмотрим, в какой степени они учтены в существующих этимологических версиях.

Кроме значения 'веред, чирей, болячка, нарыв', отмеченного в подавляющем большинстве языков (ст.-слав., русск., блр., с.-хорв., словен., польск., чеш., слвц., в.-луж., н.-луж.) часто в сочетании с 'язва, гнойная язва, гнойник' (ст.-слав., словен., польск., чеш., слвц., н.-луж.), представлены также: 'рана, ушиб, телесное повреждение' (ст.-слав., др.-русск. и русск. *диал.*, с.-хорв. *устар.* и словен.), 'грыжа' (словен.), 'испорченная кровь, гноекровие' (ст.-слав.), 'затвердение печени или селезенки' (словен.), 'простуда' (макед., болг. *диал.*), 'эпилепсия' (чеш., *диал.* ст.-польск.), 'родимчик, корчи, судороги', а также 'костная ломота, головная боль и другие заболевания' (чеш. *диал.*), 'болезнь, вызванная поднятием больших тяжестей, надрыв' (словен., русск. *диал.*), 'тяжелая болезнь' (чеш. *диал.*), 'болезнь' (ст.-слав., др.-русск.). См. еще 'яд (ст.-слав., с.-хорв. *диал.*), ' зло, беда, вред, ущерб, порча' (ст.-слав., др.-русск. и русск. *диал.*, болг., с.-хорв.), 'оскорблечение, обида' (с.-хорв.), 'страсть' (ст.-слав), а также 'капризы, прихоти' (укр. — *вѣреди*)¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Материал почерпнут из следующих словарей: Срезневский I, стб. 317—318; III (доп.), стб. 32'—33'; Даль² I, стр. 179; Филин 4, стр. 127; 2, стр. 246, 251; Добролюбский, стр. 58. Гринчекко I, стр. 134; Беларуска-рускі слоўнік пад рэд. К. К. Крапівы. Москва, 1962, стр. 149; Чукалов, стр. 77; Бернштейн. Болгарско-

Как видим, семантическая картина сложна и неоднородна, однако утвердившиеся в последнее время гипотезы строятся обычно на основе лишь одного из значений, не принимая во внимание остальных. Так, например, Фасмер и составители Болгарского этимологического словаря, учитывая фактически только значение 'чирай', придерживаются версии о связи славянского **verdъ* с и.-е. корнем **uerdh-* 'расти': лтш. *ap-viſde* 'нарыв', др.-инд. *várdhati* 'растет'¹⁰⁷. Одновременно Фасмер (вслед за Клюге и Гётце, Преображенским и другими) допускает возможность родства славянского **verdъ* с др.-в.-нем. *[warze]*, н.-в.-нем. *Warze*, др.-исл. *warta* 'бородавка' — далее к и.-е. корню **uer-d-* 'выступ (бородавка); высокий, возвышающийся'¹⁰⁸, куда, по мнению Махека, относится и слав. ***vorda* (>**vordavъka*, **vordavica*: русск. *бородавка*, чеш. *bradavice* и т. д.)¹⁰⁹. Обе эти гипотезы вызывают возражения, т. к. с их помощью невозможно объяснить такие значения, как 'яд', 'рана', 'причуды', которые не выводятся ни из понятия 'расти; нарост', ни из понятия 'торчать, высокий; бородавка'. Первая гипотеза, согласно которой слав. **verdъ* возводится к **uerdh-* 'расти', в Словаре Покорного уже не упоминается. Действительно, даже сопоставление славянского **verdъ*, взятого только в одном значении — 'чирай', с корнем **uerdh-* 'выросток; рести' с точки зрения семантики не безупречно. Тут надо учитывать тесное переплетение и неразрывность в славянских примерах (см. выше) значений 'чирай, веред, нарыв, гнойник', 'язва, гнойная язва', и, если первое — 'чирай, нарыв' — еще можно осмыслить как 'то, что выросло', то ко второму — '(гнойная) язва' такое толкование не приложимо. Это же обстоятельство следует принимать в расчет и при рассмотрении второй гипотезы, связывающей слав. **verdъ* 'чирай' с корнем **uer-d-* 'возвышаться; бородавка'. Надо еще прибавить, что, хотя в составе данного и.-е. гнезда **uer-d-* встречаются значения 'шишка', 'волдырь', 'желвак', 'мозоль', 'ячмень на глазу' (собственно — 'зерно'), 'прыщ' (но не 'чирай, карбункул!'), однако определяющими и характерными являются 'губа', 'сосок груди', 'затылок, шея', 'яйцо', 'бородавка'¹¹⁰, т. е. названия, относящиеся к округлым, выпуклым частям человеческого тела или округлым выростам, не сопровождающимся болезненными воспалительными (гнойными) процессами (как то имеет место в случае с вередами), — бородавке, желваку, шишке. Поэтому вполне закономерно отнесение Махеком (см. выше)

русский словарь. М., 1953, стр. 87; БЕР III, стр. 184; РСА III, стр. 36; Iвековић-Броз II, стр. 748; Djor II, стр. 131; P le te г ſ n i k II, стр. 794; X o с t n i k, стр. 326; K o n e c k i I, стр. 83; Варшавский словарь VII, стр. 732; K a g l o v i ё 6, стр. 168; K o t t VII, стр. 1051; I s a ё n k o II, стр. 587.

¹⁰⁷ Ф а с м е р I, стр. 295; БЕР III, стр. 184.

¹⁰⁸ Ф а с м е р, там же; K l u g e — G ö t z e¹⁵, стр. 857; П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 73—74.

¹⁰⁹ M a с h e k², стр. 702.

¹¹⁰ P o k o r g u I, стр. 1151—1152.

к **uerd-* 'выступ; бородавка' славянского ***vorda* (**vordavica* /**vordavъka*: русск. *бородавка*, чеш. *bradavice* и др.), в пользу чего говорит и тот факт, что в ряде славянских языков у этого слова, как и у немецкого *Warze*, безусловно включаемого в данное и.-е. гнездо, существуют значения 'бородавка' и 'сосок (груди)', см.: н.-луж. *brodajca* 'бородавка' и 'грудной сосок', польск. *brodawka piersiowa* 'сосок (груди)', *brodawka* 'бородавка', а также *brodawki* 'два выроста на шее у козы'¹¹¹ и т. д. Что касается славянского существительного **verdъ*, то вполне закономерно, что оно не встречается в качестве обозначения частей тела или выростов невоспалительного характера и не должно возводиться к **uer-d-* 'выступ, бородавка'.

Итак, перед нами две гипотезы, ни одна из которых не объясняет всю сумму значений **verdъ*. Покорный и Махек пытаются компенсировать их недостаточность путем расчленения данного славянского гнезда на два (Покорный) или три (Махек) самостоятельных, омонимичных. Однако такой подход к решению проблемы представляется необоснованным и также не дает объяснения всех семантических линий развития славянского **verdъ*. Против него говорит уже тот факт, что Покорный и Махек по-разному дробят данное гнездо. Так, Покорный, кроме указанного выше **verdъ* 1 (к и.-е. **uer-d-* 'выступ; бородавка'), выделяет еще **verdъ* 2 — к и.-е. **uer-d-* 'рвать, царапать, ранить'. К **verdъ* 1 он относит русск. *вéред* '*Geschwür*' (= 'нарыв, гнойник, язва'), ст.-слав. *врѣдъ* 'Schaden' (= 'повреждение, вред'), а к **verdъ* 2 — русск. *вéред* 'wunde' (= 'рана')¹¹², не замечая того обстоятельства, что значения 'повреждение, вред' и 'рана' столь близки, что их разъединение противоестественно. Такие значения, как 'яд', 'капризы, причуды', 'эпилепсия', 'простуда' и ряд других, остаются у Покорного вообще без всякого объяснения.

Что касается Махека, то в последнем издании своего этимологического словаря он посвящает чешскому *vřed* три отдельные статьи¹¹³. В первой (*vřed* 1) приводятся чешские и моравские слова (значащие, видимо, 'нарыв, чирей') с их славянскими соответствиями (однако без перечня значений последних), связываемые автором с чешским *bradavice* 'бородавка' (<**vordavica*), далее — с немецким *Warze* 'бородавка'. Во второй (*vřed* 2) даются названия различных болезней (эпилепсии, корчей и «подобных» без их перечня). Очевидно, на основе двойственности форм (*vřed* — *břed*), а также отталкиваясь от семантики глаголов *zbřídit se*, *zvředit se* 'помешаться, сойти с ума', Махек выводит *vřed* 2 из **bredъ*, объединяя его с русским *брéдить* 'бормотать, бредить', *bred* (сюда же он присоединяет и ст.-слав. *врѣдъ* 'болезнь!'). Но ведь и в составе первого гнезда

¹¹¹ M u k a I, стр. 78; Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1955, стр. 47; Варшавский словарь I, стр. 206.

¹¹² P o k o r n y I, стр. 1151—1152; 1163—1164.

¹¹³ M a c h e k ², стр. 702.

(чеш. *vřed* 1) есть разные примеры, одни из которых имеют начальное *v*-, другие — *b*- (см. чеш. *vřed* и морав. нар. *břed* ‘нарыв, чирей’, в.-луж. *brđd*, *brjód* ‘нарыв’, н.-луж. *wřod* и *břod* ‘язва, нарыв, чирей, гнойник’, русск. *вёред* ‘чирей, болячка’ и диал. *бёред* ‘рана, ушиб, повреждение’¹¹⁴), а наличие в русском выражения *повредиться в уме* ‘помешаться’ (< **verditi se* — к **verdъ*, куда и чеш. *vřed* 1) может свидетельствовать в пользу того, что указанные выше чешские глаголы с идентичной семантикой также выводимы из **verditi*. Третья статья (*vřed* 3) посвящена неясному для автора слову, которое встречается в выражении (бронное) *vřede vředícný*, с тем же значением, что и польск. диал. *wereda* ‘недостаток’ (=‘гадость, безобразие?’ ‘мерзавец?’), очевидно, заимствованное из восточнославянских языков (украинского или русского), см. трактовку польского *nad-wereżyc* ‘вредить, портить’ как такого рода заимствования в Словаре Брюкнера¹¹⁵. Показательно, что любая из этимологических версий, строящихся на основе дробления славянского **verd-* на несколько гнезд, наталкивается на трудности при распределении материала по этим «омонимичным» гнездам. Несколько, например, куда, следуя теории Махека, отнести слова со значениями ‘яд’, ‘рана’, ‘вред’, ‘обида’ — к *vřed* 1 или *vřed* 2, почему у Покорного оказались разъединенными примеры, означающие ‘повреждение, вред’ и ‘рана’ и т. д. Нечеткость границы между вычленяемыми гнездами, отсутствие единодушия при решении вопроса, на сколько омонимов следует разделять славянский комплекс **verd-*, — все это, на наш взгляд, свидетельствует о принципиальной невозможности какого бы то ни было дробления славянского **verd-*.

Однако, как мы видели, и при ином подходе — при рассмотрении всех славянских слов, возводимых к **verd-*, в составе одного гнезда — с помощью этимологических гипотез, отталкивающихся от первичности значения ‘веред, чирей’, трактуемого как ‘нарост (типа бородавки)’ или ‘выступ, возвышение’, не удается уловительно объяснить всю сумму значений, здесь представленных. Поэтому напрашивается вывод о том, что причина неудач кроется в неверном выборе первичного семантического признака, положенного в основу названия. По-видимому, следует исходить из какого-то другого понятия. И здесь необходимо вспомнить незаслуженно забытую теперь мысль, впервые высказанную (согласно Срезневскому) Якобом Гриммом в Немецкой грамматике (1822—1837 гг.) (а затем поддержанную Шаде и Миклошичем), о связи славянского **verdъ* с др.-в.-нем. *wartjan*, сп.-в.-нем. *warden* ‘ранить, повреждать, портить’, гор. *vardjan*, др.-сканд. *awardjan* ‘портить’, др.-инд. *vardh-* ‘отрезать’¹¹⁶. Это сопоставление свидетель-

¹¹⁴ Machek², там же; Pfuhl, стр. 48; Muka I, стр. 78; II, стр. 975; Даль² I, стр. 179; Филин 2, стр. 246.

¹¹⁵ В г ё скнег, стр. 353 и 634.

¹¹⁶ Срезневский I, стб. 318; Schade. Alt deutsches Wörterbuch. Halle, 1872—1882, стр. 1101; Miklosich, стр. 383.

ствует о том, что для славянского *verdъ первичным следует считать значение 'повреждать (ранить), вредить; повреждение, вред', исходя из которого можно, на наш взгляд, понять и все другие. Еще одним аргументом в пользу данной этимологии, по мнению Ж. Варбот, могло бы служить русск. *зavorод* 'нож'¹¹⁷ (< *zavordъ), если это не *заворот* < *zavoritъ.

Конкретные значения — 'повреждать', 'ранить', 'ушибать', 'бередить рану или больное место (трогая их)' и — соответственно — 'телесное повреждение', 'рана', 'ушиб' представлены большим числом славянских примеров, см., в частности, в русских диалектах: *вередить*, *бередить* 'тревожить больное место', *вередить* 'навредить, ушибить', *вередиться* 'ушибиться, убиться, порубиться порезаться, наколоться, заболеть от ушибов', *берёдиться* 'ушибаться', *вередеть* 'повредить, поранить', *бёред* 'рана', 'ушиб, повреждение', *бёrezъ* 'ушиб'¹¹⁸. Аналогичная картина наблюдается и в других славянских языках.

В составе данной группы следует рассматривать и слова со значением 'язва' (собственно — 'повреждение, изъязвление кожи, нарушение ее целостности'), зафиксированные, как мы отмечали выше, в старославянском, словенском, польском, чешском и нижнелужицком языках. Учитывая, с одной стороны, то, что *веред* определяется как род стержневого нарыва («большого чирья»), который является одним из видов гнойного воспаления, часто сопровождающего язвенные процессы, а с другой — то, что *вереды* изъязвляют кожу, как бы вгрызаясь в нее и оставляя по отпадении стержня щербинку, осинку, «ямку» на теле, слова в значении 'нарыв, чирей, веред', видимо, также должны быть отнесены к данной семантической группе. В пользу этого свидетельствуют регулярно встречающиеся случаи, когда одним словом обозначается как язва, так и нарыв, чирей: это не только указанные выше польск. *wrzód*, чеш. *vřed*, слвц. *vred* и др., но и нем. *Geschwür* 'нарыв, гнойник, язва', лат. *ulcus* 'нарыв, язва', *ulcusculum* 'маленький нарыв, прыщик, язвочка' и далее к *ulcero* 'причинять нарывы, изъязвлять, ранить'¹¹⁹. Следует отметить, что и сущ. *нарыв* (сионим к *веред* 'чирей') в конечном счете также восходит к корню в значении 'рвать, разрывать, нарушать целостность, повреждать' ('болезненно пухнуть, воспаляться, нагниваться, нарывать'). Показательно и наличие общего значения 'надсаживаться' у глаголов *вередиться* и *надрываться*. Итак, семантическое развитие шло, видимо, от 'ранить, повреждать, изъязвлять' — 'язва' → 'нарыв (веред)'.

¹¹⁷ И. Ф. Н а у м о в. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. 11, № 6, 1874, стр. 12.

¹¹⁸ Да ль² I, стр. 82, 179; П од в о с о ц к и й, стр. 16; Опыт, стр. 22; Ф и ли н 2, стр. 251; 4, стр. 127.

¹¹⁹ Немецко-русский словарь под ред. А. Лепинга и Н. Страховой. М., 1958, стр. 481; Латинско-русский словарь под ред. С. Соболевского. М., 1949, стр. 898.

Наряду с конкретными значениями 'ушибать', 'ранить', 'повреждать физически', в славянских языках широко представлены и более обобщенные — 'портить, вредить, наносить моральный ущерб' (ст.-слав., болг., русск. диал., блр., укр.), 'делать назло, растревавлять' (ст.-слав., русск.), 'обижать, оскорблять' (с.-хорв.), 'огорчаться, убиваться' (русск. диал.) и — соответственно — 'вред, ущерб' (болг., с.-хорв., ст.-слав.), 'зло' (ст.-слав.), 'беда' (русск. диал.), 'оскорбление, обида' (с.-хорв.).¹²⁰ Сюда же, видимо, следует присоединять и чеш. *vřed* (3) 'неřad', отмеченное выше.

И еще одна любопытная семантическая группа, которую составляют примеры с более узким и специфическим значением — 'портить кого-либо с помощью колдовства, насылая болезнь', см. русск. диал. *вередить, вережать* 'делать умышленно зло, портить заговором, напускать порчу', *свередовать* (?) 'извести, погубить колдовством'¹²¹. Сюда же относятся и слова в значении 'проказить, привередничать, чудить, капризничать': русск. диал. *вередник, вередун* 'пакостник, проказник, прокудник, худой баловник, кто много бедит', *вередовать* 'причудничать, чудить, привередничать, прихотничать', *привереды* 'прихоть, причудливость', *привередничать* 'причудничать, притворяться' и др., укр. *вёреди* 'капризы, прихоти', *вередий, вередник* 'капризник, прихотливый'¹²² и т. п. Закономерность связи 'колдовать' и 'чудить, проказничать, капризничать' подтверждается, в частности, таким примером, как *кудесить*, который означает не только 'волховать, колдовать, заниматься чарами, ворожбой, заговорами, чернокнижием', но и 'бедить, прокудить, проказить, куролесить', ср. также родственные ему — *причуда* 'каприз, странность, чудачество, прихоть' и *причудливый* 'кто причудничает, прихотничает, привередничает, чудит'.¹²³

Нужно отметить, что славянские примеры, обозначающие болезнь' или 'тяжелую болезнь', выводимы из указанных выше значений 'вредить, портить, порча', см. у Срезневского: *врѣдный* 'поврежденный, больной, калека' ('повреждение' — 'калечность' — 'болезнь'). Что касается названий отдельных болезней, то они могли возникнуть на основе конкретизации общего понятия 'болезнь, заболевание'. Однако существует и иная возможность объяснения — 'болезнь как результат колдовской порчи, напущения'. Последнее замечание особенно приложимо к таким болезням, как падучая, корчи, судороги, которые согласно суеверным представлениям могли быть «напущены» на человека с помощью кол-

¹²⁰ Срезневский I, стб. 316—318; Бериштейн. Болгарско-русский словарь, стр. 87; РСА III, стр. 36, 39; Даль² I, стр. 179; Добровольский, стр. 58; Носович, стр. 48; Гринченко I, стр. 134.

¹²¹ Даль² I, стр. 179; Добровольский, стр. 817.

¹²² Даль² I, стр. 179; Даль³ III, стб. 1048; Филин 2, стр. 147; Гринченко I, стр. 134.

¹²³ Даль³ II, стб. 544; Даль² III, стр. 460.

довства, ворожбы (хотя не исключена возможность, что это относится и к другим заболеваниям); см. у Даля: *побченый* — ‘испорченный злым знахарем, на кого находит, напущено, припадки вроде падучей, пляски Вита, кликушества, беснованья и пр.’¹²⁴. Значение ‘яд’ (ст.-слав., с.-хорв.) также легко объяснимо как ‘то, чем вредят, портят’.

Итак, как мы видим, именно значение ‘повреждение, вред’, рассматриваемое в качестве первичного, дает возможность объяснить становление всех основных значений славянского **verdъ*.

Корректурное примечание. Уже после того, как данная работа была сдана в печать, вышла в свет статья Ф. Безлай *Na robu srbohrvatskega (in slovenskega) etimološkega slovarja (Jezik in slovstvo XVIII, 1972—73, 4)*, где *gâba* ‘подагра’ (слово дается именно с такой акцентуацией) также связывается со словенским *gâbati* ‘бедствовать, погибать’, которое возводится им к тому же и.-е. корню **gheubh-* ‘стибать’, но через ступень **gðb-*, а не **gъb-* (однако Ф. Безлай считает возможным реконструировать ступень **gъb-* для с.-хорв. *gâbav* ‘с искривленными конечностями’).

¹²⁴ Да ль² III, стр. 322.